

Алена Рыжкова- Закаблуконская

г. Иркутск

Патрициальное

вези меня китайская арба
по улочкам заснеженной провинции
тряси во мне упрямого раба
не сотрясая гордого патриция
сквозь пелену привидится ему
стекло реки глазковское предместье
и если где-то существует крит
то это в параллельной фотосессии
узбекский мальчик не сочти за труд
уйми динамик
царственный и бледный
патриций принял холода цикут
и дремлет

Яблони

Я кутаю яблони, словно детей готовлю к
прогулке неблизкой.
По капельке свет отползает с ветвей
вовнутрь оловянного диска,
Плывущего медленно в белой пыли
привычной дорогой – на запад.
А саженцы малые, как журавли пружиня
мосластые лапы,
Того и гляди – упорхнут к облакам,
взмахнув на прощанье дерюгой.
Но разве поднимется чья-то рука
сдерживать их стремление к югу?

Случится такое я в землю врасу и стану
глядеть обмирая,
Как кустик незрелый курлычет во льду,
а сад словно дикая стая,
Встаёт на крыло и зовёт за кордон.
Вот корни, державшие мёртво,
Срываются с дёрна, не чуя урон, и...
в папиной куртке потёртой
Взлетает вожак у села на виду, скрывается
прочь за оградой...
Я кутаю яблони в нашем саду.
Я, папочка, знаю – так надо.

Десятый ангел

Какой по счёту ангел вострубил,
Десятые приканчивая сутки?
Мне для рожденья не хватало сил,
Как новобранцу на момент побудки.
Мне не хватало веса и тепла
От матери, бедою обелённой.
Она прозрачной девочкой плыла,
Она на мир глядела изумлённо,
Как маленький взъерошенный птенец.
И я птенец. И обе мы – две муки.
И что бы с нами.. кабы не отец.
Так древо жизни раскрывает руки –
Садись рядком, да говори ладком.
А между тем июнь в закат катился.
Гудел наш дом. Плескался самогон.
А как иначе – человек родился.

А в тёмных сенцах светлый дух

Ангеле Божий, хранителю мой святой...

А в тёмных сенцах светлый дух –
дед Зиновей вздохнёт столетне
и двоеперстием осветит
ребячье темя. Ловит слух
тишайший дедовский полёт
И робко силится ручонка
дверей скрипучую клеёнку
найти впотьмах, а дед сожмёт
ладошку мягко: вот скоба!
Под указующей ладонью
скользнёт, ладью по бездонью,
неслышно дверь. За ней изба
исходит светом. Вязкий мрак
ужом сползёт на дно ушата.
Дед козырнёт молодцевато
и вознесётся на чердак.
И после, в суматохе дней
усвоив твёрдо: «всяк по вере...»
так не одни откроешь двери
одной лишь верою своей.

Улитка времени

На нашем заливном лугу улитка времени в стогу
из рода ахатин.
Подвешен звонкий бубенец на влажный долгий рог.
По лугу ходит господин –
наш поселковый Бог.
Улитке дует на рога и бубенец звенит.
Пространство скручивает луг в спиральный аммонит.
Там – в крайней точке бытия, где кончик заострён,
берём начало ты и я.
И тонкое дин-дон –
литовка под рукой отца звучит подобьем бубенца,
пространство распластав..
Я вижу свет его лица,
на цыпочки привстав.

